

ДВА НАЧАЛА НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ: К ИСТОРИИ КОМПОЗИЦИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

А. А. Гиппиус

Институт славяноведения, Москва

Понятия «Начальная летопись» и «Несторова летопись» и их иноязычные соответствия (the Primary Chronicle, die Nestorchronik) чаще всего употребляются в литературе как синонимичные названию «Повести временных лет» (ПВЛ) — киевского летописного свода 1113—1116 гг., легшего в основу нескольких региональных летописных традиций XII—XIII вв. и через их посредство влившееся в общерусское летописание XIV—XVI вв. Между тем, если второй из этих терминов действительно имеет смысл лишь как другое название ПВЛ, то первый есть все основания трактовать более широко, обозначая таким образом всю совокупность памятников начального древнерусского летописания, включая ПВЛ и предшествовавшие ей летописные произведения. Понимаемая таким образом Начальная летопись представляет собой своего рода «гипертекст», охватывающий как реально дошедшие до нас тексты, так и памятники, гипотетически реконструируемые на их основе.

Как реально засвидетельствованный текст Начальная летопись представлена двумя основными вариантами. К первому относятся шесть полных списков ПВЛ (включая утраченный, но частично реконструируемый Троицкий), отражающих различные региональные рецепции свода 1113—1116 гг., но при этом демонстрирующих на удивление высокую степень стабильности текста, позволяющую ставить вопрос о реконструкции его исходного состояния и более или менее успешно его решать. Второй вариант представлен списками Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ), передающими тот вид Начальной летописи, в каком она читалась в составе новгородского владычного (архиепископского) свода XII—XV вв.¹ Происхождение новгород-

¹ Особую разновидность текста Начальной летописи представляют Софийская 1-я, Новгородская 4-я, Новгородская Карамзинская летопись и другие летописные памятники, восходящие к «Новгородско-Софийскому» своду первой половины XV в.

ского «извода» Начальной летописи и его соотношение с текстом ПВЛ остаются предметом дискуссии, ведущейся уже более столетия вокруг фундаментальной гипотезы А. А. Шахматова о Киевском Начальном своде. Согласно этой гипотезе, дошедшая до нас в НПЛ версия Начальной летописи не является переработкой ПВЛ, как это традиционно считалось, но отражает предшествующий ПВЛ и лежащий в ее основе киевский летописный свод 90-х гг. XI в. Свод этот, названный Шахматовым Начальным сводом, сохранил за собой данное обозначение и после того, как сам Шахматов установил, что в действительности он представлял собой лишь этап в истории текста Начальной летописи, которому предшествовали более древние летописные памятники. Несмотря на известное неудобство этого термина, мы будем использовать его, чтобы не усложнять и без того непростую номенклатуру памятников начального древнерусского летописания. Важно, однако, сознавать условность этого обозначения и не ассоциировать с ним представления о некоем исходном, «идеальном» прототипе ПВЛ, как это иногда делается.

Как всякое большое текстологическое построение, гипотеза Шахматова о Начальном своде имеет свой центр и периферию. Центр, ядро этой гипотезы составляет интерпретация Шахматовым соотношения текстов ПВЛ и НПЛ до статьи 6523 г. включительно, периферию же образуют предположения об отражении Начального свода в более поздних фрагментах НПЛ, а также времени и обстоятельствах использования этого свода в новгородском летописании.

В настоящей работе мы попробуем, оценив текущее состояние дискуссии о Начальном своде, примирить два центральных положения этой гипотезы с наиболее значительной из поправок к ней, сделанных в последние десятилетия. При этом нас будет интересовать исключительно центр шахматовской гипотезы, а не ее периферия. Для начала напомним, как соотносятся тексты ПВЛ и НПЛ в указанных хронологических рамках.

Датированной, анналистической части ПВЛ, начинающейся 6360 (852) г., под которым помещена хронологическая статья с подсчетом лет «от Адама... до смерти Святополчи» (1113 г.), предшествует не разделенная на годы доанналистическая часть, представляющая собой развернутое космографическое введение к истории Руси. Начав с рассказа о разделе земли сыновьями Ноя, Введение прослеживает древнейшие судьбы (восточного) славянства до ос-

В летописях этой группы текст Начальной летописи носит контаминированный характер, частично восходя к новгородской традиции, отраженной НПЛ, а частично — к полному тексту ПВЛ типа представленного в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях. Для проблематики настоящей работы специфические особенности «новгородско-софийской» версии Начальной летописи существенного значения не имеют.

нования Киева тремя братьями-полями и истории с хазарской данью. Эта общая нить изложения многократно перебивается этногеографическими перечнями и экскурсами, что придает композиции Введения чрезвычайную пестроту и мозаичность.

В НПЛ космографическое введение отсутствует, а его место занимает предисловие к «Временнику», имеющее заглавие: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князей и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како [воименовася]² Кыевъ» [НПЛ 1950: 103]. Основные темы Предисловия: место Киева в ряду исторических городов, названных по именам их основателей; торжество христианства над язычеством в Русской земле, избранной Богом в «последние времена»; противопоставление «древних князей» и их дружин нынешним, обвиняемым в «несытстве» и несправедливых поборах; наконец, определение хронологических рамок предстоящего рассказа: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила цесаря до [Олексы]³ и Исакья» [Там же: 104]. За Предисловием начинается статья 6362 (854) г., имеющая заголовок «Начало земли Руской» и объединяющая под одной датой рассказы об основании Киева, походе руси на Царьград при царе Михаиле, хазарской дани, Аскольде и Дире, призвании варяжских князей и завоевании Киева Игорем и Олегом. В дальнейшем изложении НПЛ и ПВЛ существенно расходятся до статьи 6453 г., начиная с которой различия между двумя летописями приобретают более частный характер, сводясь к отсутствию в НПЛ отдельных пассажей, читаемых в ПВЛ (договоров с греками вместе с их нарративным обрамлением (6453, 6478), рассказов о четвертой мести Ольги (6453), подвиге юноши-кожемяки (6500), «белгородском киселе» (6505)).

Концепция Шахматова в ее «классической» форме, т. е. в том виде, в каком она изложена в работах 1908—1909 гг. и более поздних, объясняет указанное соотношение текстов следующим образом:

- 1) Текст НПЛ в части до 6523 г. в целом первичен по отношению к ПВЛ и отражает лежащий в ее основе Начальный летописный свод;
- 2) Предисловие к «Временнику» написано в Киеве в середине 90-х гг. XI в. и является предисловием к Начальному своду;
- 3) Отсутствующее в НПЛ космографическое введение отсутствовало и в Начальном своде; оно появилось в составе первой редакции ПВЛ, созданной в начале 1110-х гг.

² Испр. по Новгородской 4-й летописи; в НПЛ: *во имя назвася*.

³ Испр. по Троицкому списку НПЛ; в остальных: *Александра*.

В работах большинства учеников и последователей А. А. Шахматова — М. Д. Приселкова [1996 (1940)]⁴, Д. С. Лихачева [1947], А. Н. Насонова [1969], Л. В. Черепнина [1948] — его гипотеза принимается в единстве этих трех положений. Столь же полное ее отторжение, возвращающее рассмотрение проблемы к дошахматовскому состоянию, демонстрирует С. А. Бугославский [1941], видящий в версии НПЛ простое сокращение текста ПВЛ, предпринятое новгородским сводчиком XIII в. Между этими полюсами располагаются точки зрения авторов, подходящих к построению Шахматова более или менее избирательно. В минимальной степени его принимает А. Г. Кузьмин [1977], разделяющий только первый тезис Шахматова, и то отчасти: первичным относительно ПВЛ исследователь считает лишь текст НПЛ с 6453 г. Намного более близкую шахматовской позицию занял М. Х. Алешковский [1969; 1971]: разделяя первый и второй тезисы Шахматова, он считает отсутствие в НПЛ космографического введения результатом сокращения, осуществленного в новгородском своде 1220-х гг. Возможность сокращения в НПЛ вводных пассажей Начального свода допускает и О. В. Творогов [1976]. В последнее время на этом активно настаивает В. Я. Петрухин, считающий новгородским сочинением XIII в. и Предисловие НПЛ; с существенными коррективами исследователь принимает и первый тезис Шахматова, находя в ранних пассажах НПЛ многочисленные следы вторичной обработки протографического Начального свода [см.: Петрухин 1995: 69—74; 1998; 2000: 69—77].

Как видно уже из этого кратчайшего обзора, из трех тезисов Шахматова наиболее устойчивым к критике оказался первый, то есть само утверждение об отражении в тексте НПЛ до 6523 г. свода более раннего, чем ПВЛ, и лежащего в ее основе. Обосновывающая это положение аргументация Шахматова никем из его оппонентов опровергнута не была. Непоследовательность позиции В. М. Истрина по данному вопросу продемонстрирована Я. С. Лурье [1976]. Попытку С. А. Бугославского [1941] обосновать генеалогическую принадлежность «новгородского извода» ПВЛ Ипатьевской ветви ее рукописной традиции (чем, безусловно, опровергалась бы в корне основная идея Шахматова), нужно признать несостоятельной: приводимый исследователем список сходжений между НПЛ и Ипатьевской летописью не содержит ни одного заведомо вторичного чтения, которое могло бы свидетельствовать об их генеалогическом родстве; напротив, имеется ряд случаев, в которых безусловно первоначальным чтениям НПЛ соответствуют общие ошибки всех основных списков ПВЛ [см.: Timberlake 2001: 214—215; Гиппиус 2002: 120]. Оставаясь таким образом неуязвимой в этом важнейшем отношении, гипоте-

⁴ При ссылках на переиздания в скобках указывается год первой публикации работы.

за Шахматова была подкреплена и в ряде моментов уточнена О. В. Твороговым, предложившим детальный текстологический комментарий к соотношению текстов ПВЛ и НПЛ до 6523 г. [Творогов 1976]; в отдельной работе [Творогов 1974] исследователь продемонстрировал последовательное расхождение между НПЛ (Начальным сводом) и дополнительными по отношению к ней фрагментами ПВЛ в использовании хронографических источников (составитель Начального свода пользовался исключительно Хронографом по великому изложению, тогда как составитель ПВЛ, дополняя его, использовал только Хронику Георгия Амартола). С другой стороны, в [Гиппиус 2001] были приведены лингвистические факты, подтверждающие, что ряд отсутствующих в НПЛ пассажей, которые Шахматов считал вставками составителя ПВЛ, действительно являются таковыми, выделяясь по своим языковым характеристикам на окружающем фоне. Таким образом, основополагающий вывод Шахматова об отражении в младшем изводе НПЛ летописного свода, предшествующего ПВЛ, остается непоколебленным⁵.

То же, на наш взгляд, относится и ко второму тезису А. А. Шахматова: трактовка Предисловия НПЛ как написанного в Киеве в 90-х гг. XI в. и относящегося к Начальному своду представляется совершенно верной и в целом весьма убедительно обоснованной самим Шахматовым. Поскольку, однако, она имеет и своих противников (которым принадлежит хронологически последнее слово об этом тексте [Петрухин 1998]), придется рассмотреть этот вопрос подробнее, еще раз взвесив доводы обеих сторон.

О киевском происхождении Предисловия Шахматов заключает, во-первых, исходя из его тематики (текст открывается рассуждением об основании Киева) и, во-вторых, на основании наполненной киевскими реалиями фразы: «куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть...» [НПЛ 1950: 103]. Оппоненты Шахматова с этим не соглашаются. По мнению А. Г. Кузьмина [1977: 97], «так мог написать, конечно, новгородец XIII века». Ссылаясь на многочисленные сообщения Новгородской летописи о церковном строительстве, исследователь обходит молчанием важнейшие детали: эпитет *златоверхия* (купол Новгородской Софии был вызолочен лишь в 1408 г.) и упоминание гор, рисующее совсем не новгородский городской ландшафт. В. Я. Пе-

⁵ Интересная работа Т. Вилкул [2003], призванная, по замыслу автора, окончательно развеять гипотезу о Начальном своде, эту задачу не выполняет. Ограничивая свой анализ соотношением текстов НПЛ и ПВЛ с 6524 по 6623 г., автор подвергает критике периферийные части шахматовского построения (в которых, действительно, много противоречий) и совершенно не касается его центра.

трухин, сознавая серьезность этого аргумента, предлагает считать упоминание церковей на месте языческих капищ общим местом раннехристианской литературы и приводит интересную параллель из Козьмы пресвитера: «Кто ли не веселит ся, видя кр(е)сты на высоких местех стояща, на них же прежде жряху бесом человеци» [Петрухин 1998: 355]. Эта параллель, проливающая свет на общую структуру фразы, не снимает, однако, вопроса о деталях, в которые облекается данный топос: одно дело — «кресты на высоких местах», и совсем другое — «златоверхие каменнозданные церкви» и многолюдные монастыри «на горах». Более показательна в этом отношении другая параллель, недавно приведенная В. К. Зиборовым [1995: 137]: развивая тот же топос, она совпадает с Предисловием именно в деталях: «Капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся, идоли съкрушаахуся, и иконы святых являахуся, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свящааше <...> *манастыреве на горахъ сташа, черноризьци явишася*». Это — «Слово о законе и благодати» Илариона, и речь здесь идет уже безусловно о Киеве, расположение которого «на горах» многократно подчеркнуто летописью. Заметим также, что стремление свести рассматриваемую фразу к топосу, игнорируя ее киевские реалии, кажется в принципе непонятным: ведь непосредственно перед этим речь все равно идет о Киеве.

О времени написания Предисловия Шахматов пишет:

Предисловие составлено до татарского нашествия, ибо после 1240 г. в Киеве на время замирает и политическая и литературная жизнь. На время до татарского нашествия указывает и та картина богатого и цветущего христианского города, которую дает автор Предисловия, описывая современное ему состояние Киева. Эта картина заставляет нас усомниться в том, чтобы Предисловие относилось вообще к XIII в., ибо в начале его, в 1203 г. Киев был сожжен и разграблен половцами, предводительствуемыми Рюриком Ростиславичем и Ольговичами. Правда, Предисловие говорит, что «за наше несътъство навель Богъ на ны поганья, а и скоты наши и села и имѣния за тѣми суть», но в этих словах не усматривается конечного разорения страны и в особенности города Киева <...> Набеги половцев уже с конца XI в. вызывали сетования, сходные с теми, которые читаются в Предисловии [Шахматов I/1: 383].

А. Г. Кузьмин и В. Я. Петрухин, напротив, видят в «поганных» Предисловия монголо-татар: «За погаными теперь остались села и имущество современников. Так можно было ставить вопрос, вероятно, уже после 1237 г.» [Кузьмин 1977: 98; ср.: Петрухин 1998: 356]. И здесь позиция Шахматова выглядит намного более объективной. Как «ставили вопрос» после 1237 г. свидетели нашествия Батыя, известно: тогда речь шла уже не о скоте, селах и имуществе, но о сожженных дотла городах и гибели тысяч людей. Между тем

приводимое Шахматовым описание последствий половецкого набега 1093 г. в ПВЛ, действительно, весьма сходно с данным в Предисловии: летописец, хотя и упоминает опустевшие (не уничтоженные!) города и сожженные церкви, но говорит в первую очередь о разорении сел и угоне скота:

Лукавии сѣве Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы цркви запалиша огнемь <...> города вси опустѣша, села опустѣша; преидемъ пола, идеже пасомы бѣша стада конь, овца и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростѣше звѣремъ жилища быша [ПСРЛ 1: 223—224].

Впрочем, даже по сравнению с этим описанием упоминание «поганых» в Предисловии кажется скудным на краски, что позволяет согласиться с М. Х. Алешковским, видящим в нем отклик на менее разорительные половецкие набеги самого начала 1090-х гг., последних лет княжения Всеволода Ярославича.

С впечатлениями монгольского нашествия В. Я. Петрухин связывает и эсхатологические мотивы Предисловия.

Характерно, что само введение к НПЛ начинается со слов: «Временник, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избра Бог страну нашу на *последнее время*»: «последнее время» в христианской хронографической традиции предшествует концу света <...> Речь в Новгородской летописи, таким образом, идет не только о начале Русской земли, как в ПВЛ, но и о ее «погибели», как воспринималось в XIII в. монголо-татарское нашествие — ср. «Слово о погибели Русской земли», приуроченное к битве на Калке, и подробное описание этой битвы в НПЛ, начинающееся с эсхатологического пророчества Мефодия Патарского о народах, «яко скончанию времени явитися <...> и поплѣнят всю землю» [НПЛ 1950: 264, цит. по: Петрухин 1998: 356].

Провозвестником того же «последнего времени» в НПЛ, согласно В. Я. Петрухину, выступает и падение «богохранимого» Царьграда, к повествованию о котором, включенному в летопись под 1204 г., отсылает последняя фраза Предисловия, обещающая довести изложение «до Олексы и Исакия».

Принять это построение затруднительно по ряду причин. Даже допустив, что все три упомянутых текста — Повесть о разорении Царьграда фрягами, рассказ о битве на Калке и описание Батыева нашествия — были объединены в составе НПЛ или во всяком случае получили в ней единое эсхатологическое осмысление под пером одного сводчика, работавшего в середине XIII в. (хотя текстологические данные, на наш взгляд, не подтверждают существования такого свода, см.: [Гиппиус 1999: 357—361]), трудно представить себе, чтобы этот сводчик, время работы которого отстояло от разорения Константинополя крестоносцами как минимум на треть века, написал бы, полагая верхний хронологический предел своего труда: «до сего лѣта... до Олексы и Исакия». Важнее, однако, другое: в самом Предисловии упоминание о «последних вре-

менах» не связано ни с нашествием поганых, ни с «Олексой и Исакием» — кроме заголовка оно появляется еще раз, предваряя уже цитированную картину процветания христианского Киева: «И тако бо есть промысль божии, еже явѣ в послѣдня [времена]⁶: куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах...». Эсхатологизм Предисловия окрашен в светлые тона: речь в нем идет не о мрачных знаменьях близкого конца света, но о богоизбранности Руси как христианского царства «последнего времени», которому еще надлежит реализовать свое историческое предназначение. Ближайшую параллель к данному мотиву Предисловия представляет вводная часть «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора:

Нъ ѡгда самъ владыка Господь нашъ Исусъ Христосъ благодію своею призри на свою тварь, не дасть бо имъ погыбнути въ прельсти идолстѣи, нъ по мнозѣхъ лѣтехъ милосердова о своемъ созданыи, хотя и в послѣднѣи дни присвоити къ своему божеству [Абрамович 1916: 5].

Ср. у того же Нестора в Житии Феодосия:

И се же чюднѣе, икоже пишеть въ отъчьскихъ кнѣгахъ: слабоу быти послѣдньому роду; сего же Хсъ въ послѣднимъ родѣ семь такого себе съдѣльника показа [УС: 72].

В «бодром», по меткому определению Шахматова, тоне Предисловия нет никакой обреченности, нет ничего, что намекало бы на «погибель» Русской земли, — напротив, его пронизывает вера автора в способность его страны преодолеть невзгоды (заметим, вполне умеренные), навлеченные на нее алчностью современных правителей, и, обратившись к праведной жизни, достичь благоденствия еще в «нынешнем веке»:

...никому же насилья творяще, милостиною оцвѣтуще, страннѣлюбимъ, въ страстѣ божии и правѣрїи свое спасение сдѣваючи, да и здѣ добрѣ по живем и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ [НПЛ 1950: 104].

Этот бодрый тон, как и утверждение богоизбранности Русской земли, определяет сходство рассуждений автора Предисловия с патетическим финалом описания половецкого нашествия в статье 1093 г. (которым, по Шахматову, заканчивался Начальный свод). Эсхатологический «оптимизм» Предисловия делает его плотью от плоти киевской литературы XI — начала XII в. (см. об этом качестве русской эсхатологии XI в.: [Алексеев 2002: 56—57]).

С исторической обстановкой Киева первой половины 1090-х гг. Шахматов связывает и критический пафос Предисловия, обличающего «нынешних» князей и их дружину. Датируя Начальный свод 1093—1095 гг., Шахматов считал главным объектом этих обвинений Святополка, которого, по свиде-

⁶ Восст. по Троицкому списку.

тельству Киево-Печерского патерика, в первые годы его княжения не раз обвинял в «несытстве» печерский игумен Иоанн (он, по Шахматову, и был составителем Начального свода) [Шахматов I/2: 385—386]. Важно, впрочем, что в самой ПВЛ наиболее яркие соответствия «обличительной» части Предисловия обнаруживаются под 1093 г. в посмертной характеристике Всеволода Ярославича. «Обличитель, — пишет Шахматов, — мог иметь в виду не одного Святополка, а также последние годы управления Всеволода Ярославича, его предшественника: одолеваемый старостью и болезнями, Всеволод “нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, (и нача) негодовати дружины своя первая, и людемъ не доходити княже правды, начаша ти уни грабити, людей продавати”» (ПВЛ под 1093 г.). В самом начале Святополкова княжения, когда он сам еще не мог ухудшить положения своим собственным нестроительством, смысловые мужи говорят ему: “наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ”» [Там же: 386]. Эти фрагменты составляют столь явную параллель к словам Предисловия «ни творимых вир ни продаж вскладаху [на] люди»⁸ [НПЛ 1950: 104], что можно лишь удивляться позиции А. Г. Кузьмина, не усматривающего в летописных статьях 1092—1093 гг. «не только текстуального, но и идейного сходства со смыслом Предисловия» [Кузьмин 1977: 99]. В. Я. Петрухин признает это сходство «совершенно очевидным», но видит проблему в том, что «как раз этого повествования и нет в НПЛ, практически не описывающей правления Всеволода и Святополка» [Петрухин 1998: 355]. Однако проблема эта — мнимая: тот факт, что в соответствующей части НПЛ Начальная летопись использована лишь в кратких извлечениях, не имеет никакого отношения к содержанию Предисловия и его связям с киевскими реалиями последней трети XI в., отраженными ПВЛ.

Считая Предисловие новгородским сочинением середины XIII в., оппоненты Шахматова, естественно, стремятся найти созвучные ему фрагменты в Новгородской летописи, и такие фрагменты, действительно, обнаруживаются. А. Г. Кузьмин указывает на статью 1230 г., в которой имеются два близких соответствия Предисловию. Ср.:

Предисловие

За наше несытоство *навель богъ на ны поганья*, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ дѣль

6738 (1230) г.

...и за то *богъ на нас поганья навѣдѣ*, и землю нашу пугу положиша. <...>
Они трудишася събирающе, а си въ

⁷ Следует читать: «грабити люди и продавати».

⁸ Заметим, что сходство не ограничивается одними *продажами*; упоминание «творимых», т. е. назначаемых по ложным обвинениям, вир, соотносится со словами статьи 6601 г. «людемъ не доходити княже правды».

не останемъ. Пишетъ бо ся: богатство неправдоу собираемо извѣтсѣя. И паки: *сбираеть, а не вѣсть, кому собираеть я* [НПЛ 1950: 104].

трудъ ихъ вѣнидоша; о таковыхъ бо рече духъ святыи: *сбираеть, а не вѣсть, кому собирает* [НПЛ 1950: 70—71].

Число текстуальных переключек между Предисловием и погодными статьями НПЛ можно увеличить: так, восклицание летописца в статье 6724 г. «Великъ е, братъе, промысль Божий!» [НПЛ 1950: 56] является очевидной репликой аналогичной фразы Предисловия: «Тако бо есть промысль Божий!» Но о чем свидетельствуют подобные параллели? Только о том, что новгородские летописцы XIII в. не оставались равнодушны к повествованию о начальных веках русской истории, которым открывался владычный летописный свод, но в большей или меньшей степени использовали его как литературный образец, включая, естественно, и Предисловие⁹. Показательно, что почерпнутые из Предисловия топосы применяются в погодных статьях НПЛ по совершенно другим поводам, к совершенно другим ситуациям: восхищение божественным промыслом у автора Предисловия вызывает картина торжества христианства в еще недавно языческом Киеве, тогда как у автора статьи 6724 г. — чудесная победа новгородцев в битве на Липице; цитата из Псалтыри (38: 7) о тщете стяжания земных сокровищ, которая в Предисловии используется применительно к князьям и их дружинникам¹⁰, в статье 6730 г. характеризует погибших в ходе мятежа новгородских бояр, поплатившихся за собственное корыстолюбие. Иначе говоря, новгородские летописцы просто

⁹ Этим, кстати, новгородское летописание XIII в. отличается от летописания предшествующего столетия, практически не обнаруживающего литературной преемственности в отношении Начальной летописи. Признаки такой преемственности впервые появляются у летописца архиепископа Антония (которому принадлежит статья 6724 г.) и становятся особенно значительными под пером летописца архиепископов Спиридона и Далмата — пономаря Тимофея, чья эмоциональная и насыщенная «провиденциальным» комментарием литературная манера сформировалась под прямым воздействием статьи 1068 г. Начальной летописи, осязаемым и в статье 6738 г. НПЛ (см.: [Гиппиус 1997: 9—10; 1999: 346—349]).

¹⁰ Следует согласиться с В. К. Зиборовым [1995: 138], полагающим, что эта цитата, как и слова «гѣи бо князи не збираху многа имѣния», могут характеризовать не столько Святополка или Всеволода, сколько Святослава Ярославича. Они, действительно, переключаются со сказанным под 6583 г. о богатстве Святослава, которое после его смерти «расыпаса разно». Это, однако, на наш взгляд, не дает оснований датировать Предисловие 1070-гг., поскольку упоминание грабительских вир и продаж столь же определенно отсылает к концу 1080-х — началу 1090-х гг. (В. К. Зиборов странным образом вообще не упоминает этого ключевого аргумента А. А. Шахматова). По-видимому, упреки Предисловия носят не строго «адресный» характер, но имеют в виду последних Ярославичей, Святослава и Всеволода.

растаскивают Предисловие на цитаты. Совершенно иной характер носят параллели между Предисловием и статьей 1093 г. ПВЛ: здесь мы действительно имеем все основания полагать, что речь в обоих текстах идет об одном и том же¹¹.

Ввиду этих различий особенно заметным становится полное отсутствие в Предисловии тем и мотивов, которые мы вправе были бы ожидать от текста, созданного в Новгороде XIII в., с его уникальным для Руси республиканским устройством, обостренным переживанием собственной независимости и, конечно же, культом святой Софии как паллады Новгородского государства, именно в это время достигшим своего расцвета. Имеющееся в тексте упоминание об историческом приоритете Новгорода только оттеняет это общее впечатление: как давно отмечено [Лихачев 1986 (1948): 175], фраза «преже Новгородская волость и потом Киевская» выпадает из контекста заголовка, в котором речь идет об основании городов, и может с полным основанием считаться вставкой новгородского сводчика.

В общерусской перспективе столь же показательно отмечаемое Шахматовым молчание Предисловия о княжеских усобицах, которые автор XIII в. непременно сделал бы главным объектом своих обличений. «Составитель Предисловия не переживал, по-видимому, тяжелых времен усобицы: язвы удельного строя еще не вскрылись, и не на них обращено его внимание» [Шахматов I/2: 384]. В данном отношении Предисловие вновь обнаруживает глубокое несходство со «Словом о погибели Русской земли», которое, хотя прямо и не называет «болезни», охватившей Русскую землю, имеет в виду, по

¹¹ Особый вопрос составляет параллель между словами Предисловия о старых князьях «отбараху Руския землѣ и ины страны придаху под ся» [НПЛ: 104] и пассажем из обращения киевлян к княжеской братии в статье 6605 (1097) г. ПВЛ: «побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую» [ПСРЛ 1: 264]. Шахматов [I/2: 387—388] считал этот пассаж зависящим от Предисловия, подкрепляя такую трактовку не только анализом двух контекстов, но и фактом позднейшего заимствования тех же слов Предисловия в послании на Угру Вассиана Рыло (1480). Несмотря на это, В. Я. Петрухин находит такое направление зависимости маловероятным; отмечая, что идея единства Русской земли органична именно для времени Мономаха, он склонен видеть здесь обратную зависимость — Новгородской летописи от ПВЛ [Петрухин 1998: 355—356; 2000]. Непонятно, однако, почему для выражения своей идеи автор статьи 6605 г. не мог воспользоваться риторической фигурой, заимствованной из Предисловия, в которой соответствующая фраза выглядит ничуть не менее органично. С другой стороны, предположение В. Я. Петрухина наталкивается на им же отмеченное отсутствие в НПЛ подробного повествования о времени правления Святополка: поскольку такую структуру Новгородская летопись имела уже в своде начала XII в., извлечь данный топос автору Предисловия, пиши он в Новгороде в начале XIII в., было бы просто неоткуда.

общему мнению исследователей, именно княжеские распри как главную причину ее «погибели» (ср.: [Петрухин 2000: 350—351]).

Дополнительный, хотя и второстепенный, интерес для выводов о времени и месте создания Предисловия представляет круг его источников и образцов и вообще литературный фон этого текста. Одним из главных источников Предисловия послужил, как показал Шахматов [I/2: 410], тот же Хронограф, использование которого прослеживается и в основном тексте отраженного НПЛ Начального свода. Это, если прямо и не доказывает принадлежности Предисловия Начальному своду, очень хорошо согласуется с таким предположением. В качестве наиболее вероятного образца для учительной части Предисловия Шахматов рассматривает «Слово о ведре и казнях Божьих», известное по Златоусту и использованное в статье 6476 (1068) г. Начальной летописи [Там же]; приводится и яркая лексическая параллель: ср. «милостинею оцвѣтуше и страннолюбимъ» в Предисловии и «братолюбимъ цвѣтуше» в Слове.

Заметив, что выписки из Священного Писания могли быть заимствованы автором Предисловия из вторичных источников, Шахматов обращает внимание на цитату из книги Иова [22: 15] («Богатство неправдою собираемо извѣтается»), имеющуюся в Изборнике 1073 г., где она составляет отдельную главку (л. 76). Интересные параллели к Предисловию содержит и Изборник 1076 г. Примечательно, что они не разбросаны по всему тексту памятника, но выявляются, с одной стороны, во вводной статье, а с другой — в двух соседних главках в самом конце книги; не исключено, что образцом для автора Предисловия послужили именно эти тексты.

Предисловие

Васъ молю, стадо Христово, с любовию приклоните уши ваши разумно...

Да отселъ, братия моя возлюбленная, останемся от несытства своего, нь доловни будете уроки вашими, яко и Павелъ пишетъ «емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ»; никому же насилья творяще, милостинею оцвѣтуше, страннолюбимъ, въ страсъ божию и правовѣрии свое спасение сдѣваючи,

Изборник 1076 г.

То мы, братия, поразумѣмъ и послушаимъ разумныма оушима і поразумѣмъ силу и поучение стыхъ книгъ Зоб.

Сноу мои и чадо, приклони оухо свое, послушаи оца своего 5

Немощныи милоуите, никогоже не съблзните, чюжеи чади не приближайте са и довѣльни будѣте оуроки вашими 250 об.

Отвързѣмъ *от* себе всакоу злюбоу, ярость, клеветы, лъжу, татьбоу, блоудъ, пианьство, несытость, лихоимание. Та

да и здѣ добръ поживем и тамо вѣчнѣи
жизни причастьници будемъ.

вса оставльше, странноприктие да
сѣтажимъ, трѣзвѣние, покорение, сѣмѣ-
рение, вѣру праву истину отъ срѣца,
млѣстыню, любовь же да имамъ съ
всѣми 251

Да тѣми, братиѣи, и сими подвигнѣмся
на поуть житиѣи ихъ и на дѣла ихъ, и
поучаимъся вѣину книжьнымъ сло-
весемъ, творяще волю ихъ якоже ве-
лять, да и вѣчныѣи жизни достойни боу-
демъ 4 об.

Вместе с уже упомянутыми Словом о законе и благодати Илариона, сочинением Козьмы пресвитера, Читением и Житием Феодосия Нестора названные памятники создают вполне определенный образ того литературного контекста, которому принадлежит Предисловие: это контекст киевской литературы XI — начала XII в.

Выводить Предисловие за рамки этой эпохи не позволяет и важная лингвистическая характеристика текста — форма имперфекта *будяше*, выступающая во фразе «оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье». Данная форма представляет собой грамматический архаизм, который, будучи неоднократно засвидетельствован в оригинальных и переводных памятниках, относящихся к древнейшему пласту русской книжности (ПВЛ, Житие Феодосия Печерского, Изборник 1073 г., Слова Григория Богослова XI в., Хроника Амартола и др.), не представлен, насколько можно судить по выявленным до сих пор примерам, в оригинальных древнерусских текстах, созданных позднее начала XII в. (см. специально об этой форме: [Мустафина 1991]).

Единственной чертой Предисловия, действительно ведущей в XIII в., остается упоминание «Олексы и Исакия», в которых есть все основания видеть императоров Алексея и Исаака Ангелов, упоминаемых в Повести о взятии Царьграда (Шахматов, одно время видевший в них Алексея Комнина и его брата Исаака Севастократора, впоследствии сам вернулся к традиционной идентификации, ср.: [Шахматов I/2: 390—394, 462]). Очевидно, однако, сколь ненадежен этот аргумент: в предисловии к такому тексту, как летопись, определение верхнего хронологического предела повествования оказывается в первую очередь объектом редактирования. Достаточно сказать, что в Тверском сборнике вместо имен Олексы и Исакия стоит имя великого князя Василия Ивановича [Алешковский 1981: 104]. Чтение НПЛ есть все основания связывать с подобной редактурой, одновременной включению в ее состав Повести о взятии Царьграда.

Итак, мы не видим никаких оснований для пересмотра шахматовской трактовки Предисловия как текста, открывавшего собой Киевский Начальный свод 1090-х гг. Второй тезис Шахматова, как и первый, остается в силе¹².

¹² Уже после того, как данная статья была сдана в печать, появились работы [Петрухин 2006а; 2006б], в которых содержится ряд дополнительных аргументов, призванных подкрепить датировку Предисловия НПЛ XIII в. Принципиальный характер вопроса заставляет прокомментировать и их.

Большое значение В. Я. Петрухин придает тому обстоятельству, что в Предисловии Кий именуется «великим князем»: исследователь видит в этом отголосок рассуждений составителя ПВЛ о княжеском достоинстве Кия [Петрухин 2006а: 150; 2006б: 34]. Имеется в виду фраза Предисловия: «тако жь и в нашей странѣ звань бысть градъ великымъ княземъ во имя Кия...» [НПЛ: 103]. Это был бы очень серьезный довод, если бы «великымъ княземъ» не было индивидуальным чтением Толстовского списка НПЛ XVIII в., имеющим явно позднее происхождение. Совпадающие показания Троицкого списка НПЛ, Новгородской 4-й, Софийской 1-й летописей и Тверского сборника позволяют, между тем, с полной уверенностью считать первоначальным чтение «градъ великийи Кыевъ» (ср.: [Шахматов I/2: 408]). Таким образом, упоминание о княжеском достоинстве Кия в оригинале Предисловия, несомненно, отсутствовало: оно появилось лишь на этапе составления ПВЛ. Что же касается полемике ПВЛ с версией о Кие-перевозчике, то она, очевидно, как и считал А. А. Шахматов [Там же: 412], имеет в виду именно Предисловие, в котором эта версия называется в качестве основной («его же нарицають тако перевозчика бывша, инѣи же: ловы дяше около города» [НПЛ: 103]).

Также В. Я. Петрухин обращает внимание на то, что среди прецедентов наречения исторических городов именами их основателей Предисловие не упоминает, казалось бы, наиболее очевидного и близкого — Константинополя; он связывает это умолчание с написанием текста после взятия Царьграда фрягами в 1204 г. Однако упоминание в тексте Константинополя имеет другое, более простое объяснение: согласно Хронографу, бывшему источником Предисловия, Константин не основывал Константинополя — он лишь «обнови град Византии, древле созданъ Ввзомъ, царемъ тракийскимъ» [ЛЕР: 291]. Выстроенный русским летописцем ряд («Рим» — Рим, Антиох — Антиохия, Селевк — Селевкия, Александр — Александрия) могла бы пополнить пара «Виз — Византий», но она потребовала бы от автора специального экскурса, неуместного в данном контексте.

В том же пассаже Предисловия В. Я. Петрухин находит еще одно косвенное свидетельство его позднего происхождения. По поводу фразы: «Яко же древле царь Рим, назвася и во имя его город Римъ» он замечает: «Согласно древнерусским хронографам, в том числе и реконструируемому Хронографу по великому изложению, Рим был основан, естественно, *Ромом* (Ромулом), но не Римом (Ремом). (...) Приводимая Шахматовым параллель из Чудовского списка Еллинского летописца, где старшим братом, основавшим город, назван Рим, может прояснить источник Введения к НПЛ, который, однако, не связан с начальным летописанием» [Петрухин 2006а: 33]. Чтение

Совсем иначе обстоит дело с третьим положением Шахматова, согласно которому библейско-космографическое введение ПВЛ представляет собой дополнение к Начальному своду, сделанное составителем ПВЛ. По Шахматову, основной текст Начального свода начинался так же, как и первая статья НПЛ: «Въ лѣто 6362. Начало земли Рускои. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ» [НПЛ 1950: 104]. Однако, как заметил еще А. И. Соболевский [1905: 102—103], начинающаяся с *живяху* фраза грамматически несуразна и производит впечатление вырванной из контекста, в котором ей должен был предшествовать рассказ о расселении славян, подобный читаемому в ПВЛ. Парируя это возражение, Шахматов указал на то, что в ПВЛ соответствующий пассаж выглядит еще более громоздко и тавтологично, обличая непервонаичальность текста, его сшивку из разных источников (ср.: «Подем же жившемъ ѡсобѣ и володѣющемъ и роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ» [ПСРЛ 1: 9]); вместе с тем он не мог не признать, что первая фраза НПЛ «в начале текста (...) несколько поражает» [Шахматов 1947: 154].

Последнее ощущение, возникающее, вероятно, у всякого непредвзятого исследователя, заставляло наиболее чутких к тексту последователей Шахматова искать объяснения очевидной ущербности начала НПЛ в рамках гипотезы о Начальном своде. Так, О. В. Творогов, комментируя первую фразу НПЛ замечает, что она предполагает «какой-то предшествующий рассказ, который, видимо, присутствовал в Начальном своде, но был опущен в НПЛ»; исследователь оговаривает, впрочем, что «предположение о начале Нач. свода, утраченном в НПЛ, не более чем догадка» [Творогов 1976: 7]. Намного более уверенно об усечении в НПЛ космографического введения писал М. Х. Алешковский [1971: 21—23; 44—46; 59]. Как на одно из свидетельств того, что введение присутствовало в «авторской» редакции ПВЛ (т. е. в терминах Шахматова — Начальном своде), он указал на идейную и текстуальную перекличку между рассказом Введения о сыновьях Ноя, поклявшихся «не пре-

Чудовского списка, на которое ссылается Шахматов («Римъ же, старѣи братъ Римовъ...» [Шахматов I/2: 410], безусловно является позднейшим искажением, однако думать, что Предисловие использовало именно этот текст, нет оснований: в Предисловии ничего не говорится о том, кем из братьев был основан Рим, а сказано лишь, что город получил свое название по имени «царя Рима», что полностью соответствует основному тексту Хронографа, где оба брата названы царями: «Потомъ же царствоваста брата два Ромъ и Римъ. Ромъ же старьи братъ Римовъ, градъ створи и нарече имя ему Римъ» [ЛЕР: 78].

Аргументов, которые действительно подкрепляли бы взгляд на Предисловие НПЛ как памятник XIII в., в последних публикациях В. Я. Петрухина мы не нашли.

ступати в жребии братень», завещанием Ярослава Мудрого (1054 г.), содержащим аналогичную заповедь, и рассказом об узурпации Святославом киевского стола в 1073 г., в котором вновь вспоминается данный принцип. Ср.:

Введение: Сим[ъ же] и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, [и] жребѣи мѣтавшѣ, не преступати никомуже въ жребии братень, [и] живахо[у] кождо в свои части.

6562: И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна¹³, ни сгонити...

6581: А Стославъ съде Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Бжѣю. Велии бо есть грѣхъ преступающе заповѣдь оца своего. Ибо исперва преступиша снове Хамови на землю Сиюву и по 400 лѣтъ ѿмьщенье приаша ѿ Бга. Ѽ племени бо Сиюова суть Еврѣи [и]же избивше Хананѣиско племя приаша свои жребии и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь оца своего и приа оубиство. Не добро бо есть преступати предѣла чюжего...

Поскольку завещание Ярослава содержит бесспорную отсылку к библейскому сюжету, по крайней мере первый и второй пассажи должны принадлежать одному пласту Начальной летописи¹⁴. Однако к какому именно? Не могли ли оба сюжета появиться в летописи лишь на этапе составления ПВЛ? Как бы мала ни была вероятность этого, исключить такую возможность нельзя. Решающее значение приобретает поэтому наблюдение В. Я. Петрухина, показавшего, что сама начальная фраза НПЛ «живяху кождо с родом своим...» построена по модели библейской «Таблицы народов», описывающей расселение «народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Быт. X: 5; 31), и, следовательно, может представлять собой лишь остаток усеченного космографического введения [Петрухин 1995: 73—74]. В полемике с автором этих строк, первоначально отстаивавшим шахматовское представление об исконности начала НПЛ, В. Я. Петрухин предложил также убедительное объяснение неорганичности соответст-

¹³ Ср. грамматически более точное соответствие в НПЛ [182]: «не преступати брату въ предѣль братинь».

¹⁴ В работе [Гипшиус 1994] я предпринял попытку отстоять шахматовское представление об исконности начала НПЛ, предположив, что библейский сюжет был вторично «подстроен» к рассказу о завещании Ярослава на этапе составления ПВЛ. На тот момент мне оставалась неизвестной принципиально важная работа [Franklin 1982], в которой показано, что принцип «не преступати в жребий братень» заимствован летописью из рассказа о сыновьях Ноя, восходящего к «Книге юбилеев» и читаемого в составе Изборника 1073 г. Это опровергает наше построение, не оставляя сомнений в том, что летописный рассказ о завещании Ярослава был с самого начала ориентирован на библейский сюжет.

вующего пассажа ПВЛ: она вызвана тем, что в повествование о расселении славян в этом месте вставлен рассказ о пути из варяг в греки и путешествии апостола Андрея (ср.: [Творогов 1976: 6]).

Таким образом, есть все основания считать отсутствие в НПЛ библейско-космографического введения результатом его искусственного усечения; в ПВЛ, следовательно, Введение появилось не впервые — как элемент композиции Начальной летописи оно должно было существовать еще в XI в.

Поучительным и забавным можно счесть то обстоятельство, что эта главная поправка к шахматовской гипотезе совпадает с точкой зрения, высказанной самим Шахматовым в одной из первых его работ о Начальном своде [Шахматов I/1 (1900): 183]¹⁵ и в дальнейшем им оставленной. Причина, побудившая Шахматова изменить мнение по данному вопросу, очевидна: ею стала новая трактовка Предисловия НПЛ как относящегося к Начальному своду (до 1908 г. Шахматов придерживался традиционного взгляда на этот текст как созданный в XIII в.). Придя к этому выводу и не допуская одновременного присутствия Предисловия и Введения в композиции Начального свода, Шахматов «пожертвовал» Введением, признав начало НПЛ исконным, вопреки его очевидной ущербности. Прямо противоположным образом теперь поступает В. Я. Петрухин, возвращаясь, ради восстановления композиционной целостности Начального свода, к устаревшему представлению о Предисловии как новгородском памятнике XIII в. Примирить шахматовскую трактовку Предисловия с тезисом об усечении в НПЛ космографического введения без особого успеха попытался М. Х. Алешковский: в реконструируемой им композиции свода 1090-х гг. («авторской» редакции ПВЛ) библейское введение следует за Предисловием, нарушая его связь с последующим текстом [Алешковский 1971: 96]. Искусственность такой реконструкции особенно бросается в глаза на фоне полного соответствия, в каком Предисловие, открывающееся рассуждением об основании Киева и обещающее повести изложение «от Михаила цесаря», находится с нынешним началом НПЛ, в котором рассказ об основании Киева синхронизован, как уже говорилось, с началом царствования Михаила III. Космографическое введение ПВЛ композиционно не находит себе места между этими текстами; можно утверждать, что Предисловие предназначалось для свода, в котором Введение, как и в НПЛ, отсутствовало.

¹⁵ Здесь читаем: «Думаю, что перед этими словами (т. е. фразой, с которой начинается НПЛ. — А. Г.) находилось некогда повествование о расселении народов после столпотворения вавилонского». И далее: «В дошедшей до нас редакции этого свода [Начального свода. — А. Г.] сохранилась приведенная выше фраза, восходящая, без всякого сомнения, к рассказу о столпотворении и расселении народов» [Там же].

Последний вывод вплотную подвел нас к формулировке положения, обоснование которого является главной целью настоящей статьи. В сочетании с уже принятыми нами тезисами он может означать только одно: замена космографического введения на Предисловие была произведена самим составителем Начального свода 1090-х гг. Эта возможность, насколько нам известно, до сих пор не рассматривалась; между тем она, как представляется, способна многое объяснить в истории текста ПВЛ.

Сформулированный выше тезис автоматически разворачивается в гипотезу, согласно которой космографическое введение:

- 1) читалось в летописном памятнике, послужившем источником Начального свода;
- 2) было отброшено и заменено на Предисловие в Начальном своде;
- 3) было восстановлено в ПВЛ путем нового обращения к источнику Начального свода.

Предположение о таком зигзагообразном развитии текста, конечно, усложняет шахматовскую схему, однако в данном случае такое усложнение представляется вполне оправданным и даже необходимым.

То, что Начальный свод 1090-х гг. не представлял собой абсолютного начала русского летописания, но основывался на более ранних летописных памятниках, не вызывает сомнений. В схеме Шахматова его прямыми предшественниками в киевской летописной традиции выступают первый Киево-Печерский свод 1073 г. («Свод Никона») и Древнейший Киевский свод 1039 г. Наиболее осторожными из последователей Шахматова эти гипотетические своды, реконструкция которых опирается не на сравнительно-текстологические данные, а лишь на внутреннюю критику текста, воспринимаются скептически: Я. С. Лурье именно по этой причине не включает их в генеалогическое древо русского летописания [Лурье 1985: 197]. В той мере, в какой целью исследователя является проведение связей между реально дошедшими до нас летописными памятниками XI—XVI вв., такой подход безусловно оправдан: с этой точки зрения восстановление летописных этапов, предшествовавших Начальному своду, действительно не является текстологической необходимостью.

Между тем в плане истории сложения самой ПВЛ существование по крайней мере одного такого этапа устанавливается с полной достоверностью и не может не приниматься во внимание. Мы имеем в виду летописный памятник, в котором повествование о первых русских князьях до Владимира читалось без разделения на годовые статьи. О его существовании однозначно свидетельствуют многократно комментировавшиеся в литературе случаи разрыва хронологической сеткой ПВЛ цельных фраз своего источника (см.:

[Шахматов I/1: 83; Алешковский 1971: 64—65; 1976: 147—155; Творогов 1976: 20]). Поскольку те же случаи, и даже в большем количестве, представлены и в НПЛ, можно быть уверенным, что разбиение этого источника по годам было произведено уже в Начальном своде. Относить его к еще более ранней стадии, как это делал Д. С. Лихачев [ПВЛ 1996 (1950): 321—324], полагавший, что в годовые статьи материал был организован Никоном в своде 1073 г., нет достаточных оснований: тот факт, что в середине XI в. на Руси уже велось погодное летописание, еще не означает, что ретроспективное распространение анналистической формы на повествование о древних временах было осуществлено тогда же. Следует остаться при мнении Шахматова: «Имеется ряд оснований для признания хронологической сети Начального свода вставленною составителем этого свода, имевшим в своем распоряжении летопись, не расположенную по годам» [Шахматов I/1: 83]. Именно эта летопись, если верно наше предположение, и должна была начинаться с космографического введения.

Рассматривавшиеся в литературе варианты датировки этого памятника (Шахматов — 1073 г., Черепнин — 1072 г., Алешковский — около 1067 г.) располагаются в пределах конца 1060-х — начала 1070-х гг. Появление именно в эту эпоху летописного памятника, открывавшегося рассказом о разделе земли сыновьями Ноя, выглядит глубоко не случайным. В композиции ПВЛ рассказ о сыновьях Ноя выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он задает общую «библейскую» перспективу повествования о происхождении славян и Русской земли, возглавляет иерархию уровней космографического описания, спускаясь по ступеням которой, автор в конечном счете доходит до полян и основания Киева; с другой стороны, данный сюжет несет важную идеологическую нагрузку: именно здесь формулируется уже упоминавшийся принцип «не преступати в жребий братень», повторяемый затем в «завещании» Ярослава Мудрого и вновь вспоминаемый в связи с изгнанием Изяслава из Киева в 1073 г. Проведение параллели между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава естественно относить к периоду, когда на исторической сцене действовали сами Ярославичи. На такую возможность первым указал С. Франклин, обнаруживший общий источник летописного рассказа о разделе земли и изложения данного сюжета в Летописце Еллинском и Римском в Изборнике 1073 г. (28-й ответ Анастасия Синаита) [Franklin 1982: 8—11]. Отмечая актуальность библейского зачина ПВЛ для киевского политического контекста начала 1070-х гг., исследователь готов связать появление этого сюжета в Начальной летописи с реконструируемым А. А. Шахматовым Киево-Печерским сводом 1073 г. Вступая в противоречие с трактовкой этого летописного этапа самим Шахматовым, данное предложение, как видим, отлично согласуется с нашей схемой.

Отнесение космографического введения (в его исходном виде) к этапу летописной работы, соответствующему шахматовскому «своду 1073 г.», позволяет уточнить датировку этого этапа. По Шахматову, свод Никона 1073 г. заканчивался обличением Святослава, в очередной раз апеллирующим к истории сыновей Ноя. Считается, что все три пассажа, объединяемые этой параллелью, принадлежат перу одного автора. Об этом, казалось бы, действительно свидетельствует общность литературных источников трех фрагментов, исчерпывающе проанализированных С. Франклином¹⁶. Имеется, однако, важное обстоятельство, препятствующее атрибуции всех трех фрагментов одному летописцу. Третий из них содержит характерную ошибку, присутствующую во всех списках ПВЛ и безусловно восходящую к оригиналу статьи: Сим в нем оба раза назван Сифом. Невозможно представить себе, чтобы эту ошибку¹⁷ допустил тот же автор, который излагал библейский сюжет во Введении, неоднократно и правильно называя старшего из «Ноевичей». Объяснение этого противоречия в работе [Гиппиус 1994] является безусловно ошибочным (см. выше прим. 14). В контексте наших нынешних рассуждений следует предположить, что летописец, описавший изгнание Изяслава в 1073 г., развивал аналогию между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава, заданную его предшественником, но при этом спутал Сима с Сифом. Если так, то рассказ о сыновьях Ноя, как и содержащее аллюзию на него завещание Ярослава, читались в летописи, созданной до 1073 г. (в противном случае смерть Ярослава и изгнание Изяслава были бы описаны одним автором).

Представляется перспективной точка зрения Л. В. Черепнина [1948: 330—331], связывающего данный этап истории текста Начальной летописи с

¹⁶ Существенно, что комментарий летописца в статье 1073 г., будучи ориентирован на завещание Ярослава (об этом свидетельствует тот факт, что принцип «не преступати в жребий братень» выступает в нем, как и в завещании, с заменой «жребия» на «предел»), демонстрирует вместе с тем независимое пользование тем же источником, на котором основывается рассказ о сыновьях Ноя во Введении. С другой стороны, упоминание о нарушении Исавом заповеди отца показывает, что летописцу была понятна библейская «подоснова» завещания Ярослава, литературной моделью для которого, по всей видимости, послужило завещание Исаака из Книги юбилеев, вероятно, читавшееся в Хронографе по великому изложению (см.: [Franklin 1982: 14—15]).

¹⁷ В. Я. Петрухин [2003: 99] говорит в данной связи о «мнимой оговорке» летописца, объясняя встречающееся в древнерусской историографии замещение Сима Сифом тем, что от последнего, «по Библии, происходят все народы (...) и сам Иисус». Непонятно, однако, какой скрытый смысл мог иметь в виду летописец, делая предка Сифа родным братом его прямого потомка. Очевидно, мы все же имеем дело с путаницей, хотя и традиционной.

перенесением мощей Бориса и Глеба в 1072 г.¹⁸ Оставаясь пока не обоснованным текстологически, это предположение выглядит тем не менее чрезвычайно правдоподобно — особенно на фоне подлинной картины событий этих лет, которую открывают западные источники и которая принципиально отличается от рисуемой ПВЛ, представляющей конфликт между Ярославичами в 1073 г. как разразившийся внезапно. В действительности, как показывает А. В. Назаренко, «все непродолжительное второе княжение Изяслава Ярославича в Киеве было наполнено напряженной политической борьбой между киевским князем и его братьями, сидевшими в Чернигове и Переяславле» [Назаренко 2001: 528]. На фоне этой борьбы следует воспринимать и вышегородские торжества 1072 г. Политический подтекст этого акта, призванного продемонстрировать прочность «триумvirата» Ярославичей, составляло стремление Изяслава, ощущавшего крайнюю нестабильность своего положения в Киеве, закрепить сложившееся разделение Русской земли между ним и двумя его братьями. Освященный авторитетом Библии принцип «не преступати в жребий братень» приобретал в этой связи особую актуальность, дополняя главную политическую идею борисоглебского цикла, сформулированную в словах Бориса: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго: аще и ѿць ми умре, то съ ми буди въ ѿца мѣсто» [ПСРЛ 1: 132]. Замечательно, что обе эти идеи объединены в завещании Ярослава, наставляющего своих сыновей слушаться старшего, Изяслава, как отца («сего послушайте, яко^ж послушасте мене, да то вы будете в мене мѣсто») и «не преступати предѣла братна» [ПСРЛ 1: 161]. Завещание Ярослава оказывается, таким образом, текстом, связывающим библейский зачин Начальной летописи с повествованием о Борисе и Глебе, что делает появление всех трех текстов в своде, созданном в 1072 г., глубоко закономерным.

С библейской перспективой Введения теснейшим образом связана перспектива славянская. Как давно замечено, особо пристальный интерес Введение проявляет к западным славянам, с которых начинается рассказ о расселении славянского племени; при этом наиболее подробной характеристики удостоиваются «ляшские» племена. Принято считать, что сведения ПВЛ о западнославянских племенах почерпнуты ею из «Сказания о преложении книг» — реконструируемого А. А. Шахматовым западнославянского сочинения, на котором основывается также читаемый под 898 г. рассказ о создании славянской письменности [Шахматов 1940; Флоря 1985]. Не вступая в поле-

¹⁸ Заметим, что датировка Л. В. Черепнина хорошо согласуется с предположением А. А. Шахматова, согласно которому работа Никона над его сводом, завершившаяся в 1073 г., была начата еще в 1072 г. [Шахматов I/1: 297]. Учитывая это, будем условно обозначать данный этап как «свод 1072 г.».

мику с этой точкой зрения, заметим лишь, что, в отличие от самого рассказа о солунских братьях, несомненно использующего письменные источники, информацию Введения о западных славянах совсем не обязательно считать имеющей письменное происхождение: не только моравы, чехи и ляхи, но и отдельные «прапольские» племенные образования — мазовшане, поморяне, лютичи — были элементами актуального для киевского летописца XI в. этнического ландшафта Центральной Европы (достаточно сказать, что сообщения ПВЛ о походах Ярослава на мазовшан в 1041 и 1047 гг. являются первыми фиксациями данного этнонима в источниках [Исаевич 1982: 147]). В связи с этим нельзя не отметить, что из киевских князей XI в. самые тесные контакты с Польшей имел Изяслав Ярославич: состоя в близком родстве с Болеславом II, он неоднократно прибегал к его помощи и в своей борьбе за киевский стол опирался прежде всего на поляков. Кроме того, согласно гипотезе А. В. Назаренко [2001: 528, 559—577], как раз в 1071—1072 гг. Святополк Изяславич вступает в брак с дочерью чешского князя Спытигнева I, и таким образом в орбиту политических интересов киевского князя попадает и Чехия. Не с этим ли связан западнославянский «уклон» в освещении Введением свода 1072 г. истории славянства?

Столь же закономерным, как и появление космографического введения в «своде 1072 г.», выглядит, при ближайшем рассмотрении, отказ от него в созданном двадцать лет спустя Начальном своде¹⁹.

Характеристики Начального свода в литературе, как правило, выдвигают на первый план его «публицистическую» направленность, наиболее ярко сказавшуюся в Предисловии. Между тем место этого свода в истории сложения

¹⁹ Датировка Начального свода остается предметом дискуссий. А. А. Шахматов, полагая, что свод заканчивался статьей 6601 (1093) г., склонен был относить его составление к 1093—1095 гг. [Шахматов I/1: 30]. Чуть более раннюю дату предлагает М. Х. Алешковский. Отмечая, что систематическое ведение погодных записей в Печерском монастыре прослеживается с 1091 г. (с которого в ПВЛ начинается ряд дневных датировок с указанием часа), он относит создание Предисловия и начало работы Нестора над первой, «авторской» редакцией ПВЛ (соответствующей в схеме Алешковского шахматовскому Начальному своду) ко времени около 1090 г. Поскольку, как уже было сказано, критические выпады Предисловия могут иметь в виду не только и не столько Святополка, сколько его предшественников на киевском столе, Святослава и Всеволода Ярославичей, сдвиг датировки свода к началу 1090-х гг. представляется вполне оправданным. В то же время нельзя исключить, что к 1091 г. относится само начало летописной работы печерских монахов, которая могла параллельно вестись в форме погодных записей и в направлении создания летописного свода. Учитывая это и не решаясь выбрать между 1091 и 1093 г. как условными датами, довольствуемся размытой датировкой Начального свода началом 1090-х гг.

ПВЛ определяется в первую очередь своеобразием композиции его основного текста. В отношении к предшествующей летописной традиции, воплощенной в своде 1072 г., Начальный свод в его древнейшей части, которая нас сейчас интересует, характеризуется двумя основными композиционными новшествами. Это, во-первых, уже упоминавшееся введение хронологической сети в повествование о событиях IX и X вв. и, во-вторых, вставки из Хронографа в статьях 6362 и 6428 гг., описывающие набеги руси на Царьград при царях Михаиле и Романе. Обе инновации неотделимы одна от другой, поскольку сами первые даты, 6362 и 6428, имеют хронографическое происхождение (см.: [Шахматов I/1: 83—84]).

Введение в текст вставок из Хронографа, рисующих русь как жестоких варваров, убивающих и грабящих христиан, вполне отчетливо обозначает новую идеологическую перспективу, в которой составитель Начального свода строит свою версию начала русской истории, — это византийская, имперская перспектива. В ней определяется и дата «начала земли Русской» — вычисленный (неверно) на основе Хронографа год воцарения Михаила III, при котором русь совершает свой первый поход на Царьград, начиная таким образом отсчет своего исторического бытия. Современные исследователи ПВЛ справедливо подчеркивают символический аспект выбора такого «начала», предполагая, что на Руси историческая фигура Михаила III ассоциировалась с последним царем «Откровения Мефодия Патарского», имеющим явиться и установить свое праведное царство в преддверии конца света [Данилевский 1995: 105 и сл.; 2004: 260; Петрухин 2003: 104—105]²⁰. По словам В. Я. Петрухина, «поход Руси оказался как бы вписан в эсхатологический контекст этого царства (...) В летописной традиции этот эсхатологический контекст обернулся **началом** истории нового народа». Правомерность такой трактовки лучше всего подтверждает Предисловие к Начальному своду (которому В. Я. Петрухин упорно отказывает в этом статусе), обещающее рассказать о том, «како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время», и начинающее этот рассказ «от начала Рускы земля... от Михаила цесаря» [НПЛ 1950: 104].

Вставкой Начального свода Шахматов не без основания считает и фразу, которой в НПЛ заканчивается рассказ об основании Киева полянами: «...бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (о возможной причине отсутствия этих слов в ПВЛ см. ниже). Как указывает Шахматов, «эти слова извлечены, как кажется, из Речи философа (“и по дия-

²⁰ Об эволюции этого образа, восходящего к ветхозаветному пророчеству Даниила [12: 1], и его «исторических» преломлениях в византийской и болгарской историко-апокалиптической литературе см.: [Милтенова и Тъпкова-Займова 1996: 65—69, с указанием более ранней литературы].

волю научению, ови рощениемъ и кладяземъ и рѣкамъ жьряху и не познаша Бога”); соответствие им находится и в Предисловии к Нач[альному] св[оду]» [Шахматов I/1: 359]. Диссонирующий с предшествующей характеристикой полян как «мужей мудрых и смысленых», этот пассаж отражает, конечно, не «новгородский патриотизм» (что готов допустить В. Я. Петрухин [1995: 74]), а «универсалистски-христианский взгляд на дохристианское прошлое» [Живов 2002: 178], то есть, по существу, ту же византийско-христианскую историческую перспективу; в отношении полян он выполняет функцию, аналогичную той, какую вставки из Хронографа выполняют в отношении руси, представляя ее на заре ее истории как врага христианского мира. В эпически героизирующее изложение своего источника, рисовавшего полян изначально «мудрыми и смыслеными», а русь в лице ее вождя Олега — «мудрой и храброй», Начальный свод внес «снижающие» акценты, оттенив тем самым величие божественного промысла, за сто с небольшим лет сделавшего из варваров и «невегласов» «новых людей христианских».

Еще одним проявлением ориентации Начального свода на Хронограф и, соответственно, византийскую модель истории, являются внесенные в текст вместе с годовыми датами заголовки, разделяющие повествование по княжениям: «Начало княжения Святослава» (6454), «А се княжение Ярополче» (6480), «Начало княжения Володимеря» (6488)²¹; в этот ряд, возглавляя его, входит и заголовок статьи 6362 г. «Начало земли Русской». Такое членение повествования имитирует традиционное для византийской хронографии разделение истории на царства и царствования, при этом аналогом «Начала земли Русской» оказываются заглавия больших хронографических разделов: «Начало царства Римскаго», «Начало царства Царяграда», «Начало царства крестьянскаго» [ЛЕР: 74, 178, 283]. Русская земля также мыслится таким образом как своего рода царство, с чем корреспондирует включение в Пре-

²¹ О том, что этот ряд заголовков восходит к Начальному своду, а не привнесен редактором НПЛ, свидетельствует воспроизведение заголовка «Начало княжения Святослава сына Игорева» в ПВЛ. Остальные заголовки, включая и «Начало земли Русской», составителем ПВЛ были опущены. А. А. Шахматов возводил заголовки НПЛ к Древнейшему своду 1039 г. [Шахматов I/1: 359, 364, 371 и др.]. Оснований для этого мы не видим. Характер включения заголовков в текст вполне однозначно показывает, что они вносились вместе с датами. См. особенно следующий контекст, в котором группа [заголовок + дата] разрывает цельную фразу источника: «И прииде Святославъ к порогомъ, и не бѣ лѣзъ проити; и ста зимовати в Бѣлобережьи; и бѣ гладь великъ, по полугривнѣ голова конячья. Веснѣ же приспѣвши. А се княжение Ярополче. В лѣто 6480. Поиде Святославъ в пороги, и нападе Куря, князь Печеннѣжскыи, и убиша Святослава» [НПЛ 1950: 124.]

словии Киева в ряд мировых городов, названных в честь основавших их «царей и князей»: «Рима» (Ромула), Антиоха, Селевка, Александра²².

Вполне логичной выглядит на этом фоне и условная синхронизация первого похода руси на Царьград при царе Михаиле с основанием Киева, к рассказу о котором формально относятся в НПЛ дата 6362 г. и заголовок «Начало земли Русской». В. Я. Петрухин [1995: 72; 2000: 74—75] находит такую композицию противоречивой: коль скоро русь в Начальном своде (НПЛ) не отождествлялась с полянами, считает он, основание Киева не должно было рассматриваться в нем как «начало Русской земли». Отсюда с необходимостью вытекает вывод о значительной переработке текста Начального свода в НПЛ. «Можно считать очевидным, — пишет В. Я. Петрухин, — почему новгородский летописец XIII в. — составитель НПЛ — поместил вслед за главкой о начале Русской земли киевскую легенду. В греческом хронографе и использующей его данные ПВЛ русь — это войско, осадившее Царьград, а для новгородца начала XIII в. Русь — это, прежде всего, Русская земля, как называли в Новгороде в эпоху раздробленности округу Киева» [Петрухин 1995: 72]. НПЛ, как полагает исследователь, и дает ответ на вопрос о происхождении Русской земли в узком, актуальном для Новгорода смысле этого понятия: «Кий основал Киев, а от полян “до сего дне... суть кыяне” — киевляне» [Там же].

С этим рассуждением вполне можно было бы согласиться, если бы фраза «от них же суть кыяне», действительно выражающая точку зрения новгородца, восходила к протографу НПЛ. Между тем в таком виде она читается лишь в одном из ее списков — Комиссионном. В Толстовском списке (замещающем в данном случае утраченное начало Академического, копией которого он является) это место выглядит иначе: «от них же суть нынѣ поляне и до сего дне». В Троицком списке находим третий вариант: «от нихже суть Киевѣ поляне и до сего дни» [НПЛ 1950: 513]. Такое соотношение чтений позволяет с полной уверенностью восстанавливать в качестве протографического для НПЛ чтение Троицкого списка, отличающееся от чтения основных списков ПВЛ лишь порядком слов (*поляне Киевѣ vs. Киевѣ поляне*) [Шахматов I/2: 941]. Таким образом, главное свидетельство переработки составителем НПЛ его киевского источника оказывается ложным: новгородская перспектива возникает в рассказе об основании Киева лишь в XV в., под пером писца Комиссионного списка.

²² Характерно, что этот перечень исторических аналогий включает одних лишь царей, тогда как Кий, в представлении составителя Начального свода, не был и князем. Смысл упоминания в этом контексте князей наряду с царями («в имена царевъ тѣхъ и князей тѣхъ») заключается, по-видимому, в подчеркивании самой аналогии между царством и княжением, принципиально важной для летописца.

Столь же мало оснований усматривать эту перспективу в заголовке «Начало земли русской». Как мы уже видели, он стоит в НПЛ не изолированно, но входит в ряд других аналогичных главок, появившихся в Начальной летописи одновременно с разбиением ее на годовые статьи. Заглавие статьи 6363 г. не только не искажает композиции Начального свода, но, напротив, во многом организует ее. Это заглавие следует понимать предельно широко, в равной степени относя его к основанию полянами Киева как будущей столицы Русской земли и появлению самой руси (не отождествляемой летописцем с полянами) в центре цивилизованного мира. Постулируемая одновременность этих «начальных» событий, ни в коей мере не предполагая исходной тождественности полян и руси, сталкивает их в пространстве летописного текста как два главных компонента будущего синтеза, результатом которого становится «Русская земля» (в широком, а не в узком смысле!) с центром в «полянском» Киеве. Этот синтез и составляет содержание первой статьи Начального свода, объединяющей под одной датой события от основания Киева полянами и первого похода руси на Царьград до завоевания Киева Игорем, в результате которого название «Русь» распространилось, среди «прочих», и на киевских полян («и бѣша у него варязи мужи, словенѣ, и отголѣ прочии прозвашася Русью» [НПЛ 1950: 107])²³. В этом смысле заголовков «Начало земли Русской» может быть отнесен ко всей статье 6362 г. Пересматривать точку зрения Шахматова, видевшего в начальных пассажах НПЛ довольно точное воспроизведение текста Начального свода, на наш взгляд, оснований нет.

Как видим, специфические черты композиции Начального свода — заимствование из Хронографа описаний двух походов руси на Царьград, вставка пассажа о язычестве полян, разбиение повествования по княжениям, вычисление даты «начала земли Русской» и введение самого этого понятия — характеризуют идеологическую программу его составителя довольно отчетливо. Эта программа, обоснование которой дано в Предисловии, ориентирована на модели византийской хронографии и апокалиптики и рассматривает историю Русской земли в перспективе, которую можно определить как «имперско-эсхатологическую».

Космографическое введение свода 1072 г. в эту перспективу не вписывалось, оно реализовало иной сценарий включения истории Киевской Руси в

²³ В понимании этой фразы мы полностью согласны с В. Я. Петрухиным, демонстрирующим необоснованность построения Шахматова, согласно которому в Начальном своде, в отличие от ПВЛ, русь не отождествлялась с варягами и последние сами «прозвались» Русью, придя в Киев [Петрухин 1995: 76—81].

контекст всемирной истории — сценарий, делавший акцент не на «начале», а на происхождении, истоках Русской земли, древности ее этнической истории, восходящей к библейскому разделению языков. Этот этногенетический интерес составителю Начального свода был чужд, история избранной Богом в «последние времена» Русской земли для него не нуждалась в предыстории — ее естественнее было начать «с чистого листа», в момент первого появления руси у стен Константинополя. Главное «открытие» составителя Начального свода — «начало земли Русской» — стоило того, чтобы сделать его абсолютным началом летописи. В этой ситуации — и, как представляется, только в ней — отказ от космографического введения был вполне оправданным композиционным решением.

Нужно заметить, что в принципе два подхода совсем не исключали один другого: в Хронографе по великому изложению, послужившем, по-видимому, источником обоих сводов, имперская перспектива соединялась с библейской, служила ее естественным продолжением. Аналогичным образом и «начало Русской земли» вполне возможно было встроить в композиционный каркас свода 1072 г. (что впоследствии и сделал составитель ПВЛ). Однако составителем Начального свода эта перспектива была избрана в качестве единственной; обосновав ее в Предисловии, он уже не мог не отказаться от космографического Введения — между Предисловием и «началом Русской земли» последнее, как уже было сказано, просто не находило себе места.

Усечение в Начальном своде космографического введения свода 1072 г. может отчасти объясняться и утратой последним своей политической актуальности. В период единовластия Всеволода, последнего оставшегося в живых из сыновей Ярослава, история сыновей Ноя с их клятвой «не преступати в жребий братень», в свое время служившая идеологическим основанием триумvirата Ярославичей, на время утраила свою злободневность, уступив место другому, очерченному выше кругу идей.

Нам уже приходилось высказывать мысль о возможной приуроченности создания Начального свода к наступлению «юбилейного» 6600 (1092) г., вызвавшего на Руси мощный всплеск эсхатологических ожиданий [Gippius 2003]. Создание свода в преддверии этого рубежа или непосредственно после него способно объяснить и общий интерес его составителя к абсолютной хронологии, и тему «последнего времени» в Предисловии, и привязку «начала земли Русской» к воцарению Михаила III. Для последней, впрочем, в обстоятельствах этого момента можно указать еще и дополнительное основание. На рубеже «седьмого века седьмой тысячи», когда дни престарелого Всеволода были уже сочтены, киевский стол вот-вот должен был занять — и занял его в первый же год нового столетия — князь (Святополк Изяславич), чье христианское имя было Михаил. Это обстоятельство не могло не стать

предметом эсхатологической рефлексии: актуализируя предание о последнем царе Михаиле, оно заставляло вспомнить и о Михаиле III, при котором Русь впервые заявила о себе в мировой истории. Стечение имен, событий и дат создавало почву для возникновения историографической схемы, представляющей историю Русской земли — избранной страны «последнего времени», — простирающейся «от Михаила цесаря» до «благочестивого князя Михаила» (как будет позже назван Святополк в сообщении о его смерти [ПСРЛ 2: 275])²⁴. Космографическое введение и с точки зрения этой кольцевой композиции оказывалось совершенно излишним.

Отказ от Введения с его библейским зачином был, конечно, весьма радикальным композиционным решением. Нужно, однако, иметь в виду, что с тем же радикализмом и прямолинейностью составитель Начального свода действовал и в других случаях, например, когда разбивал рассказ о полянах вставкой из хронографа о походе руси или хронологически упорядочивал изложение своего источника, разрывая годовыми датами цельные фразы. Можно сказать, что композиция Начального свода в его древнейшей части, будучи подчинена определенной идеологической схеме, носила во многом эскизный, экспериментальный характер, который впоследствии пришлось преодолевать составителю ПВЛ.

Предположение о восстановлении космографического Введения в ПВЛ на основании свода 1072 г. может показаться искусственным и маловероятным. Таким, однако, оно выглядит только с точки зрения модели, представляющей процесс создания летописных сводов в виде цепи, в которой каждое следующее звено связано лишь с предыдущим. Ничто не заставляет нас сковывать себя этой сомнительной презумпцией. Нет никаких оснований полагать, что после создания Начального свода его главный летописный источник был уничтожен или утрачен. Нужно иметь в виду, что шахматовская трактовка этого источника как Первого Киево-Печерского свода («Свода Никона») является не единственно возможной — убедительную альтернативу ей составляет точка зрения М. Х. Алешковского, связывающего этот текст с окружением Изяслава Ярославича. Ничто не мешает думать, что свод 1072 г., легший в основу Киево-Печерского Начального свода, благополучно сохранился в монастырской или княжеской библиотеке к моменту составления ПВЛ и находился в числе тех разнообразных исторических материалов, кото-

²⁴ Заметим, что мы не знаем, каким было первоначальное определение верхней хронологической границы повествования в Предисловии Начального свода (т. е. что читалось в нем вместо слов «до Олексы и Исакия»); но, если прав Шахматов и повodom к составлению свода стало вокняжение в Киеве Святополка [Шахматов I/2: 400], то такая ее реконструкция кажется вполне вероятной.

рыми располагал новый сводчик, создавая свой труд. Составитель ПВЛ имел возможность сопоставлять свои источники и должен был оценивать их сравнительные достоинства с точки зрения задач, которые он перед собой ставил.

Перед ним лежали две летописи, существенно расходившиеся между собой в их начальных частях. Одна из них имела вид, хорошо знакомый нам по НПЛ. Соответствующая часть второй летописи представляла собой не разделенное на годы повествование, открывавшееся космографическим введением, подобным читаемому в ПВЛ, но, вероятно, намного более кратким. От рассказа о разделе земли сыновьями Ноя эта летопись переходила к расселению их потомков в своих «жребиях» после разрушения башни, находила славян среди потомков Иафета и, описывая их расселение в Центральной и Восточной Европе, подводила к основанию Киева тремя братьями-полями — сюжету, с которого начинался первый летописный памятник.

Ни одна из этих летописей не могла удовлетворить составителя ПВЛ, располагавшего, помимо них, широким кругом дополнительных источников и намеревавшегося представить собственную, расширенную версию начала русской истории. Для такого расширения анналистическая структура Начального свода представляла намного более удобную основу, чем монотематическое повествование свода 1072 г. отождествление «начала Русской земли» с первым появлением руси у стен Константинополя в царствование Михаила III также не могло не импонировать составителю ПВЛ, для которого отношения Руси с Византией составляли стержень ее ранней истории (вспомним о вставленных им в летопись договорах с греками).

Между тем отсутствие в Начальном своде космографического введения должно было представлять в глазах составителя НПЛ существенный недостаток его композиции. «Имперско-эсхатологическая» идея обернулась в Начальном своде резким сужением этногеографического горизонта, ограничением его рамками Русской земли как самодовлеющей «страны последнего времени». Составителя ПВЛ это категорически не устраивало: этническая география была его коньком, списки народов и племен, их древние перемещения, происхождение названий, обычаи и нравы — все это живо интересовало его. Выстроенная в своде 1072 г. схема «Ной — Иафет — славяне — поляне» составляла идеальную канву для сообщения разнообразных сведений об этих предметах.

Итоговая композиция древнейшей (до 6453 г.) части ПВЛ наилучшим образом объясняется, на наш взгляд, как результат синтеза композиционных схем двух предшествующих ей летописных сводов. В ее датированной (анналистической) части ПВЛ базируется на тексте Начального свода, распространяя и перерабатывая его; в своей недатированной части она воспроизводит —

в сильно расширенном виде — композицию свода 1072 г. Само же разделение текста на недатированное Введение и анналистическую часть составляет специфическую особенность композиции самой ПВЛ (в древнейшей части свода 1072 г. даты отсутствовали вообще, а Начальный свод начинал свое изложение с первой даты).

Логика преобразований, которым текст Начального свода подвергся при составлении ПВЛ, убедительно прослежена О. В. Твороговым [1976]. Заимствовав из Начального свода идею отсчета исторического существования Русской земли от воцарения Михаила III, составитель ПВЛ вычислил правильную, как ему казалось (в действительности же — опять ошибочную), дату начала этого царствования — 6360 г., под которой и поместил составленную им хронологическую статью. Поход руси на Царьград, имевший место, согласно его источнику, «в 14-е лето Михаила цесаря», он отнес к 6374 г., сделав его проводителями Аскольда и Дира, а их самих — боярами Рюрика. Вследствие этих текстуальных перемещений рассказы об основании Киева и хазарской дани, в Начальном своде условно синхронизированные с походом руси, лишились этого хронологического репера, отойдя в недатированную часть нового свода²⁵.

С этими композиционными трансформациями связано и переосмысление введенного в Начальном своде понятия «начала» Русской земли. Рассуждения о его содержании в ПВЛ [Петрухин 1999; 2003: 105] упускают из виду то обстоятельство, что само это понятие, играющее столь важную роль в композиции НПЛ (Начального свода), в ПВЛ отсутствует: речь в ней идет лишь о «прозвании» Русской земли, под которым понимается, с одной стороны, появление руси на страницах византийской хронографии при царе Михаиле, а с другой — распространение ее имени на территории, оказавшейся под властью варяжских князей. Между тем, в Начальном своде «прозвание» Русской земли составляло, как мы видели, лишь один аспект ее «начала» — другим,

²⁵ Переписать эти рассказы составитель ПВЛ мог как из Начального свода, так и из свода 1072 г. Располагая текстом НПЛ и не располагая текстом свода 1072 г., мы, естественно, готовы предпочесть первую возможность. Между тем вторая представляется текстологически не только не менее, но даже более вероятной, если принять во внимание следующую деталь. Уже упоминавшаяся фраза о язычестве полян («бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани»), которую Шахматов обоснованно считает вставкой Начального свода, отсутствует в ПВЛ. Составитель ПВЛ с его «полянским патриотизмом» мог, конечно, опустить эти слова своего источника как несоответствующие проводимой им тенденции; смущает только, что исключенными приходится в таком случае признавать слова, которые в самом Начальном своде являются вставкой. Если же предположить, что составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г., необходимость в допущении такого совпадения отпадает.

столь же важным его аспектом является основание Киева как будущей столицы Русской земли.

Масштабы переработки, которой подвергся в ПВЛ текст Начального свода в пределах до 6453 г., дают основания думать, что и вводные пассажи свода 1072 г. были «восстановлены» в ней со значительными дополнениями. Считая свод 1072 г. основой недатированной части ПВЛ, мы можем лучше понять сложную внутреннюю структуру космографического Введения, — точнее, отсутствие в этом тексте жесткой структуры, постоянные повторы и перебои изложения, которые трудно целиком отнести на счет специфики жанра космографического описания (ср.: [Петрухин 1995: 24]) или объяснить одной лишь неискусностью летописца, с трудом справляющегося с новой для него ролью компилятора (ср.: [Живов 2002: 174]), хотя оба фактора, несомненно, играли здесь свою роль. Все сказанное позволяет решительно присоединиться к точке зрения М. Х. Алешковского [1971: 21—23] и А. Г. Кузьмина [1974: 39—41], говорящих о наличии во вводной части ПВЛ двух слоев, соответствующих двум этапам работы над текстом. В рамках нашей схемы первый слой Введения восходит к своду 1072 г., тогда как второй образует распространения, сделанные при составлении ПВЛ.

Два наиболее крупных содержательных блока, вставленных составителем ПВЛ, определяются вполне уверенно. Первый из них образует уже упоминавшееся описание пути из варяг в греки и Сказание об апостоле Андрее. Второй, еще более крупный блок начинается пассажем о княжеском достоинстве Кия («Ини же не свѣдуже рекоша, яко Кии есть перевозникъ былъ...») и завершается рассуждением о нравах и обычаях диких народов, основанным на цитате из Амартола (заканчивая словами: «елико во Ха^а крѣтихомся и во Ха^а облекохомса») ²⁶.

²⁶ Второй блок, разделяющий читаемые и в НПЛ рассказы об основании Киева и о хазарской дани, трактуется как вставка ПВЛ подавляющим большинством исследователей, начиная с Шахматова. Что же касается первого, то, хотя его вставной характер также общепризнан, место данного блока в истории текста Начальной летописи остается предметом дискуссий. Поскольку схема Шахматова не позволяла считать этот блок вставленным в оригинале ПВЛ, его приходилось отрывать от первого блока и относить ко второй, силвестровской редакции 1116 г. [Приселков 1996: 81; Лихачев 1947: 170; Рыбаков 1963: 226, 284] или же к редакции 1118 г. (последнее предполагает М. Х. Алешковский, относящий к этой редакции и все другие вставки в доанналистической части ПВЛ [Алешковский 1971: 46]). Оба объяснения не выдерживают критики. Шахматовская трактовка рукописи Силвестра как особой редакции ПВЛ, представлявшей собой результат переработки ее не дошедшей до нас первой редакции, не подтверждается новейшими исследованиями (см. из последних работ: [Русинов 1997; 2003; Timberlake 2001]). Что же касается «постсилвестровской» ре-

Большой интерес представляет вопрос о границах первой вставки, окончание которой, как уже говорилось, практически совпадает с началом НПЛ. Есть все основания согласиться с О. В. Твороговым, предполагающим, что слова «живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ» могли следовать в первоначальном тексте за описанием расселения славянских племен [Творогов 1976: 7]. Считая таким образом, О. В. Творогов полагает, что сам этот рассказ заканчивался словами «...и нарекоша [ся] Сѣверь». Между тем начальные слова НПЛ идеально смыкаются не с этой, а со следующей фразой: «И тако разидеса словѣньский языкъ». Продолжение этой фразы в ПВЛ («тѣмже и грамота прозваса словѣньская») отсылает к читаемому под 6406 г. Сказанию о славянской грамоте, представляющему собой добавление ПВЛ к тексту Начального свода. Отнеся эту отсылку к тексту вставки (что правомерно, поскольку прямо за ней начинается описание пути из варяг в греки), получаем фразу, середине которой, видимо, и было усечено в Начальном своде космографическое Введение:

«*И тако разидеса словѣньский языкъ / и живяху кждо с родмъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще кждо родмъ своимъ». Достоверность такой реконструкции подтверждается сопоставлением с построенным по той же модели пассажем о сыновьях Ноя: «Сим[ъ же] и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, [и] жребьи метавше, не преступати никомуже въ жребии братень, [и] живахо[у] кождо въ своеи части».

С бóльшими трудностями сопряжена реконструкция начальных пассажей свода 1072 г., до конца рассказа о расселении славян. Следует думать, что соответствующий фрагмент ПВЛ также содержит вставки, сделанные ее составителем. Как показал Шахматов, в рассказах о разделении земли сыновьями Ноя и вавилонском столпотворении ПВЛ соединяет текст Амартола с текстом «неизвестного» хронографа (по В. М. Истрину, Хронографа по великому изложению). Шахматов считал, что эти источники компилировал сам состави-

дактуры 1118 г. (существование которой представляется мне доказанным Шахматовым, вопреки критике этой гипотезы в работах [Müller 1967; Творогов 1997; Timberlake 2001]), то она в начальной части ПВЛ отразилась лишь в летописях ипатьевской группы (и, в силу контаминации, также в Радзивиловской летописи), но не в Лаврентьевской летописи. Поскольку оба рассматриваемых блока читаются во всех списках ПВЛ, они не могли появиться в редакции 1118 г. и должны восходить к ее первоначальной редакции. Именно так склонен трактовать эти вставки О. В. Творогов [1976], допускающий, что они могли быть сделаны в текст Начального свода, не сохранившийся в НПЛ; сходной точки зрения придерживается и В. Я. Петрухин [1998: 357]. Наша трактовка отличается от этой лишь иным пониманием интерполируемой основы, в которой мы видим текст не Начального свода, а свода 1072 г.

тель ПВЛ. Настаивая на текстологической двуслойности Введения, естественно, вслед за М. Х. Алешковским и А. Г. Кузьминым, относить заимствования из Амартола ко второму слою текста, что в рамках нашей схемы равносильно признанию их вставками ПВЛ. Тот факт, что начало Хронографа по великому изложению остается неизвестным и пока не поддается реконструкции, значительно затрудняет расслоение текста. Тем не менее, кажется весьма вероятным, что основанное на тексте Амартола подробное описание «частей» Сима, Хама и Иафета в своде 1072 г. отсутствовало и он ограничивался самой краткой их характеристикой.

Стратификация дальнейшего рассказа (до слов «и тако разидеса словѣньскыи языкъ») обречена носить еще более гипотетический характер²⁷. Однако, каким бы ни было соотношение слоев на этом участке, есть все основания полагать, что часть свода 1072 г., соответствующая космографическому введению ПВЛ и послужившая его основой, была совсем невелика по объему и представляла собой самый краткий очерк «генеалогии» киевских полян в библейской космографической перспективе.

Восстанавливая библейско-космографическое введение свода 1072 г. в составе своего труда, составитель ПВЛ вполне мог, вообще говоря, руководствоваться одним лишь стремлением к полноте этногеографического описания и целостности композиции, которую он не без основания полагал нарушенной в своем главном источнике — своде 1090-х гг. Возможно, однако, что в его действиях был и идеологический резон. Ко времени составления

²⁷ Возможно, в частности, что вставной характер носит сообщение о разрушении столпа, с указанием точных размеров его «останка» — 5433 локтя, и последующем расселении сынов Сима, Хама и Иафета. Думать так позволяет не только характерная для манеры составителя ПВЛ тавтологичность этого фрагмента («по размѣшенъи же языкъ», «по размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи языкъ») но и, особенно, тот факт, что слова «и сѣмѣси Бѣ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расѣсѣа по всеи земли» находят прямое продолжение во фразе «Ѡ сихъ же 70 и 2 языку бѣ Ѡ языкъ Словѣнескъ, Ѡ племени Афетова», не имеющей antecedenta для *сихъ* в предыдущей фразе. Похожа на вставку и идентификация славян с нориками («нарци, еже суть словени»): она связана с традицией пространных космографических описаний [Ведюшкина 1998] и перекликается с упоминанием славян рядом с Илириком в описании «жребия» Афета, которое, как уже было сказано, само является, по-видимому, вставкой ПВЛ. Вставное происхождение может иметь в таком случае и фраза, локализующая славянскую «прародину» на Дунае (интерес к Дунаю и Илирику составитель ПВЛ проявляет неоднократно, в частности, в Сказании о преложении книг под 6406 г.). С такой ее трактовкой корреспондирует то обстоятельство, что следующее упоминание дунайских славян, вместе с примыкающим к нему пассажем о хорватах, сербах и хорутанах, разрывает рассказ о расселении западного славянства, явно относящийся к древнейшему пласту Введения. Все это, впрочем, не более чем догадки.

ПВЛ библейский зачин свода 1072 г., от которого в свое время отказался Начальный свод, снова сделался актуален. Политическую ситуацию эпохи вновь определяло соотношение трех главных фигур, на этот раз в поколении внуков Ярослава Мудрого: Владимира Всеволодовича (Мономаха) и двух старших Святославичей, Олега и Давыда. Именно эти три князя организуют в 1115 г. новое перенесение мощей Бориса и Глеба. В хронологических рамках, определяющих дату создания ПВЛ (1113—1116 гг.), в этом событии естественно, вслед за Л. В. Черепниным [1948: 309—311], видеть наиболее вероятный импульс к составлению нового летописного свода. Возвращение ПВЛ к композиции свода 1072 г., составленного по случаю первых борисоглебских торжеств, получает в таком случае дополнительную идеологическую мотивацию, а тема «трех братьев» вновь оказывается «спутником» борисоглебской темы.

С другой стороны, у составителя ПВЛ был и повод для нового, углубленного обращения к историческим судьбам славянства, совершенно не интересовавшим составителя Начального свода. Как мы видели, появление славянской перспективы в своде 1072 г. и преимущественный интерес его составителя к западным славянам могли быть обусловлены связями Изяслава Ярославича с Польшей и Чехией. Аналогичным образом, интерес составителя ПВЛ к Дунаю и дунайским славянам может объясняться дунайскими притязаниями Владимира Мономаха, нашедшими свое выражение в двух военных предприятиях 1116 г.²⁸ На возможную связь этих событий с «дунайскими» пассажами Введения указывал М. Х. Алешковский [1971: 44—46] (см. также: [Горский 2003]); трактовка соответствующих фрагментов как вставок ПВЛ в текст свода 1072 г. делает эту связь еще более вероятной.

Излагавшаяся до сих пор схема, согласно которой библейско-космографическое введение свода 1072 г. подверглось усечению в Начальном своде 1090-х гг. и было в сильно расширенном виде восстановлено в ПВЛ, оставляет без ответа один весьма важный вопрос. Приступая к обоснованию этой гипотезы, мы, намеренно упрощая ситуацию, исходили из того, что у Начального свода 1090-х гг. был по крайней мере один прямой предшественник. Между тем есть все основания согласиться с Шахматовым в том, что таких предшественников у него было по крайней мере два. Цепочка связанных прямой преемственностью летописных памятников, приведшая к созданию ПВЛ, по-видимому, не заканчивается сводом 1072 г., но уводит в эпоху Ярослава Мудрого, а может быть, и еще глубже. В работе [Гиппиус

²⁸ «В се же лѣто иде Леонь царевичь, зать Володимерь, на курь ѿ [sic!] Олексия црѣа, и вдася го[ро]довъ ему дунаискихъ нѣколко (...). Въ се же лѣ князь великий Володимерь посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю» [ПСРЛ 2: 283—284].

2001] мы, опираясь на лингвистические данные, признали не лишенными оснований высказывавшиеся в литературе предположения [Черепнин 1948; Тихомиров 1979 (1960)] о возникновении нарративного ядра будущей ПВЛ в очень раннюю эпоху, еще при Владимире. С чего начинали свое изложение эти древнейшие предшественники ПВЛ? И правы ли мы, относя появление космографического введения с его библейским зачином к своду 1072 г.? Может быть, эта композиция вообще является исконной для Начальной летописи?

Возможность разрешить эти сомнения предоставляет заключительный пассаж статьи 6430 г. НПЛ, не имеющий соответствия в ПВЛ и при этом явно восходящий к Начальному своду:

Игорь же сѣдѣше в Києве княжа, и воюя на Древяны и на Угличе. И бѣ у него воевода, именовъ Свѣнделдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадѣшется единь град, именовъ Пересѣчень; и сѣде около его три лета, и едва взя. *И бѣша сѣдѣще Угличѣ по Днѣпру вѣнизь, и посемъ приидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо.* И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: «се даль еси единому мужевѣ много...» [НПЛ 1950: 109] (продолжение этого рассказа читается в НПЛ под 6453 г.; о причинах этого разрыва см.: [Творогов 1976: 20; Гиппиус 2002: 156—159]).

Комментируя данный пассаж в связи с проблемой хронологии княжения Игоря, К. Цукерман обратил внимание на важную деталь, ускользнувшую от внимания А. А. Шахматова: выделенная фраза представляет собой несомненную интерполяцию [Zuckerman 1995: 262]. Исследователь не останавливается на текстологических импликациях этого наблюдения, между тем для истории текста Начальной летописи данная вставка оказывается исключительно информативной. Выпадая из своего непосредственного контекста, «справка» об уличах находит очевидные параллели в космографическом введении ПВЛ, выглядит как одиночное вкрапление того же самого этногеографического дискурса (ср.: «словѣни же ѿви пришедше сѣдоша на Вислѣ... тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру...» [ПСРЛ 1: 6]). Эта вставка не могла быть сделана в отказавшемся от Введения Начальном своде, составителю которого, как мы видели, этот дискурс был чужд. Следовательно, она должна восходить к своду 1072 г. Но если составитель последнего выступает в данном случае как интерполятор, то и Введение должно быть признано добавлением, сделанным им к тексту более раннего памятника. Очевидно, описав расселение восточнославянских племен во вводной части своего труда, составитель свода 1072 г. не назвал среди них уличей (они действительно отсутствуют в соответствующем пассаже ПВЛ); встретив их затем в рассказе об Игоре, он в той же манере сообщил, что знал об этом племени.

Текстологическая вторичность «библейского» варианта начала Начальной летописи, соотносимого, как мы видели, с также имеющим ветхозавет-

ный прототип завещанием Ярослава, подтверждается наблюдениями над другими «сюжетными» библеизмами ПВЛ. В отличие от «скрытых библеизмов», которые новейшие исследователи усматривают в тексте ПВЛ буквально на каждом шагу, круг эксплицитных библейских аллюзий, содержащихся в начальной части Повести, ограничен, по существу, тремя случаями: отсылкой к истории Моисея в рассказе о хазарской дани, сравнением Ольги с царицей Савской в рассказе о поездке ее в Константинополь и параллелью с Соломоном в пассаже о женолюбии Владимира. Все три примера есть основания относить к одному текстовому пласту (ср. особенно идентичные способы введения первых двух сопоставлений: «Се же сбыса все (...) яко [и] при Фаравонѣ црї Еюпетьстѣмь еда приведоша Моисѣя предѣ Фаравона...» и «Се же бы̆ якоже при Соломанѣ приде црца Ефиопьскаа к Соломану...» [ПСРЛ 1: 17, 62]). При этом первая и вторая параллели уверенно квалифицируются как вставки в первоначальный рассказ (см. относительно эпизода с хазарской данью: [Гиппиус 2001: 154]²⁹; относительно рассказа о крещении Ольги: [Кузьмин 1977: 334—341; Мюллер 2000: 46—47; Баловнев 2000: 16; Гиппиус 2001: 178; Шайкин 2005: 51—54]). Таким образом, эксплицитное обращение к Библии как источнику прецедентов русской истории оказывается так же вторичным для Начальной летописи, как и ее библейский зачин.

С чего же в таком случае начинался летописный памятник, легший в основу свода 1072 г.? Мы не можем найти для него более подходящего и правдоподобного начала, чем реконструируемое Шахматовым для Древнейшего Киевского свода (которому стадильно и соответствует этот текст): «Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь...» [Шахматов I/1: 359]. К такой реконструкции Шахматов приходит, отбросив доставившую ему столько хлопот первую фразу статьи 6362 г. НПЛ («живяху кождо съ родомъ своимъ...»), трактуемую как добавление На-

²⁹ О вставном происхождении библейской параллели в рассказе о хазарской дани сигнализирует употребленная в вводящей эту параллель фразе новая форма аориста *рекоша* — единственная на семь старых форм *рѣша*, представленных в этом рассказе. С этим корреспондирует дублировка между открывающим вставной пассаж оборотом «якоже и бысть...» и тем же оборотом в конце рассказа. В. Я. Петрухин, оспаривая нашу аргументацию, замечает, что «старые и новая форма аориста чередуются в этом рассказе, а не просто вводят в него “параллель с Моисеем”» [Петрухин 2003: 102]. Очевидно, имеется в виду еще одна словоформа *рекоша* данного пассажа Лаврентьевской летописи («мы са доискахомъ оружьемъ ѿдиною стороною *рекоша* саблами, а сихъ оружье ѿбоиду ѿстро рекше меч»). Между тем, как мы отмечаем в своей работе [Гиппиус 2001: 174, прим. 17], данное написание представляет собой очевидную опisku (вм. *рекше*), отсутствующую в Новгородской Карамзинской летописи, которая в остальном в точности повторяет формоупотребление Лаврентьевского списка, подтверждая его текстологическую неслучайность.

чального свода. Теперь мы можем сказать, что это странное «добавление» в действительности представляет собой остаток космографического Введения свода 1072 г. Отказавшись от Введения, составитель Начального свода, по существу, вернулся к композиции Древнейшего свода, подобно тому как составитель ПВЛ позже вернулся к композиции свода 1072 г. Конечно, о «возвращении» здесь можно говорить лишь условно, имея в виду воспроизводство определенной композиционной схемы, а не ее текстуальное и идеологическое наполнение, которое в обоих случаях оказывается новым на новом этапе развития текста.

История формирования композиции начальной части ПВЛ предстает перед нами, таким образом, как своего рода колебательный процесс: мы наблюдаем как бы несколько движений маятника, с увеличивающейся амплитудой раскачивающегося между двумя вариантами начала летописного повествования: «от Кия, Щека и Хорива» и «от Сима, Хама и Иафета». Первый из этих вариантов, «киевский», является для Начальной летописи исходным и получает новую жизнь в Начальном своде 1090-х гг. Второй, «библейский» вариант впервые появляется в своде 1072 г. и впоследствии восстанавливается в ПВЛ. Можно сказать, что с точки зрения структуры их начальных пассажей соотношение Начального свода и ПВЛ воспроизводит в расширенном виде, на новом витке спирали, реконструируемое соотношение Древнейшего свода и свода 1072 г.

В заключение еще раз напомним, что предложенная в данной работе реконструкция истории композиционных преобразований древнейшей части Начальной летописи является прямым следствием, вытекающим из соединения нескольких положений, которые мы считаем доказанными нашими предшественниками. Примирить эти положения между собой принципиально невозможно в рамках «сокращенной» картины истории начального летописания, ограничивающей ее Начальным сводом как непосредственным предшественником ПВЛ. Эта невозможность сама по себе является, на наш взгляд, сильнейшим свидетельством правоты А. А. Шахматова, рассматривавшего открытый им Начальный свод 1090-х гг. лишь как одно из звеньев в цепи предшествовавших ПВЛ летописных памятников XI в.

Литература и источники

- Абрамович 1916 — *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.
- Алексеев 2002 — *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.

- Алешковский 1969 — *Алешковский М. Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1969. С. 15—40.
- Алешковский 1971 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
- Алешковский 1976 — *Алешковский М. Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. Вып. 2. М., 1976. С. 150—162.
- Алешковский 1981 — *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104—111.
- Баловнев 2000 — *Баловнев Д. А.* Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5—46.
- Бугославский 1941 — *Бугославский С. А.* «Повесть временных лет»: списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 7—37.
- Ведюшкина 1998 — *Ведюшкина И. В.* «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 13—16.
- Вилкул 2003 — *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный Свод // *Ra-laeoslavica*. 2003. Vol. 11. P. 5—35.
- Гиппиус 1994 — *Гиппиус А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и мат-лы симпозиума. М., 1994. С. 136—141.
- Гиппиус 1997 — *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997. С. 3—72.
- Гиппиус 1999 — *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 345—364.
- Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игоревы: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. № 2. P. 147—181.
- Гиппиус 2002 — *Гиппиус А. А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. № 1. P. 63—126.
- Горский 2003 — *Горский А. А.* Забытая война Мономаха // *Родина*. 2002. № 11—12. С. 98—101.
- Данилевский 1995 — *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101—110.
- Данилевский 1997 — *Данилевский И. Н.* Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 172—220.
- Данилевский 2004 — *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Живов 2002 — *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
- Зиборов 1995 — *Зиборов В. К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. Л., 1995.

- Исаевич 1982 — *Исаевич Я. Д.* Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 144—166.
- Истрин 1924 — *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Изв. ОРЯС. Т. 24. 1924. С. 207—251.
- Кралик 1963 — *Кралик О.* Повесть временных лет и легенда Кристиана // ТОДРЛ. Т. 19. 1963. С. 176—191.
- Кузьмин 1974 — *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 37—47.
- Кузьмин 1977 — *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- ЛЕР — Летописец Еллинский и Римский. Т. I. Текст. СПб., 1999.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.
- Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
- Лурье 1976 — *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Вып. 2. М., 1976.
- Лурье 1985 — *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. 1985. С. 190—205.
- Милтенова и Тъпкова-Заимова 1996 — *Милтенова А., Тъпкова-Заимова В.* Историко-апокалиптичната книжина във Византия и средновековна България. София, 1996.
- Мустафина 1991 — *Мустафина Э. К.* Редкая форма имперфекта глагола *быти* в литературном языке Древней Руси // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С. 55—61.
- Мюллер 2000 — *Мюллер Р.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX—XII вв. М., 2001.
- Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под. ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин 1998 — *Петрухин В. Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 354—363.
- Петрухин 1999 — *Петрухин В. Я.* «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 220—226.

- Петрухин 2000 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 93—112.
- Петрухин 2006а — *Петрухин В. Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 33—41.
- Петрухин 2006б — *Петрухин В. Я.* Киевская легенда и историческое пространство // Восточная Европа в Древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 17—19 апреля 2006 г.: Мат-лы конференции. М., 2006. С. 149—153.
- Приселков 1913 — *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XII—XIII вв. СПб., 1913.
- Приселков 1996 — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- ПСРЛ 1—2 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926; Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Русинов 1997 — *Русинов В. Н.* Послание инок Поликарпа к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1997. С. 4—23.
- Русинов 2003 — *Русинов В. Н.* Летописные статьи 1051—1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2003. Вып. 1 (2). С. 111—147.
- Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Легенды. М., 1963.
- Соболевский 1905 — *Соболевский А. И.* Древняя переделка Начальной летописи // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Март. С. 100—105.
- Творогов 1974 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 24. С. 99—113.
- Творогов 1976 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3—26.
- Творогов 1997 — *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция Повести временных лет? // In memoria: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203—209.
- Тихомиров 1979 — *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- УС — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Флоря 1985 — *Флоря Б. Н.* Сказание о предложении книг на славянский язык: источники, время и место написания // Byzantinoslavica. 1985. Т. 46. С. 12—130.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. 1948. С. 293—333.
- Шайкин 2005 — *Шайкин А. А.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI—XVI вв. М., 2005.
- Шахматов I/1—2 — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. Кн. 2: Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб., 2003.

- Шахматов 1940 — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9—150.
- Franklin 1982 — *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1—25.
- Gippius 2003 — *Gippius A.* Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // *Ruthenica*. Т. II. Київ, 2003. P. 154—171.
- Müller 1967 — *Müller L.* Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171—186.
- Timberlake 2001 — *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 219—238.
- Zuckerman 1995 — *Zuckerman C.* On the date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Études Byzantines*. 1995. Vol. 53. P. 237—270.